

Вдова Паоло Саверини уединенно жила с сыном в убогой лачуге у крепостной стены в Бонифаччо. Этот город, построенный на выступе горы, кое-где нависает над морем и виден с более отлогого берега Сардинии через пролив, усеянный подводными камнями. Внизу, с другой стороны, между двух отвесных скал извивается огромный коридор, который служит гаванью, и по этому длинному пути до первых домишек доплывают лодки итальянских или сардинских рыбаков да каждые две недели — старый, страдающий одышкой пароход из Аяччо.

На белой горе еще более белой кажется груда домов. Словно гнезда диких птиц, прилепились они к этой скале, которая высится над грозным проливом, куда не решаются проникнуть корабли. Неугомонный ветер терзает море, терзает голое, изъеденное им побережье, чуть прикрытое травой; он врывается в пролив и опускает оба берега. Полоски белой пены как будто зацепились за черные острия бесчисленных скал, повсюду торчащих из волн, и кажутся лоскутьями парусины, бьющейся и трепещущей на поверхности моря.

Дом вдовы Саверини, словно припаянный к самому краю утеса, выходил тремя окнами на этот дикий и печальный простор.

Вдова жила здесь вдвоем с сыном Антуаном. У них была собака, по прозвищу «Веселая», крупная худая сука с длинной жесткой шерстью, из породы овчарок. Антуан ходил с ней на охоту.

Однажды, после какой-то ссоры, Антуан Саверини был предательски убит; его зарезал Никола Раволати; в ту же ночь убийца уплыл в Сардинию.

Когда прохожие принесли старухе матери тело сына, она не заплакала, но долго неподвижно глядела на него, потом простерла над трупом свою костлявую руку и поклялась отомстить. Она пожелала остаться у тела одна и заперлась в доме вместе с завывавшей собакой. Собака протяжно выла у кровати, вытянув мор-

ду к убитому хозяину и поджав хвост. Она не двигалась, как и старуха, которая склонилась над телом и, не отрываясь от него взглядом, молча проливала слезы.

Мертвый юноша лежал на спине; казалось, он спал, но его куртка из грубого сукна была на груди продырявлена, изодрана, и везде алела кровь: на рубахе, разорванной для первой перевязки, на жилете, на штанах, на лице, на руках. Кровь сгустками запеклась в волосах и в бороде.

Наконец, старуха заговорила. При звуке ее голоса собака умолкла.

— Ладно, ладно, мы за тебя отомстим, мой сынок, мой мальчик, дитятко мое бедное! Спи, спи, мы за тебя отомстим! Слышишь? Тебе это обещает мать! А уж мать всегда держит слово, сам знаешь!

Она медленно нагнулась и приникла своими холодными губами к его мертвым губам.

Тут Веселая опять завыла. Она испускала протяжный, душераздирающий, страшный вопль.

Так старуха с собакой провели всю ночь до самого утра.

На следующий день Антуана Саверини похоронили; скоро в Бонифаччо о нем больше никто не вспоминал.

После него не осталось ни родных братьев, ни двоюродных. Некому было совершить вендетту. Только мать думала о мщении, только старуха.

С утра до вечера она видела на другом берегу пролива белую точку: сардинскую деревушку Лонгосардо, куда спасаются от преследований корсиканские бандиты. Почти только они одни и живут в этом поселке, совсем близко от берегов родины, и ждут, когда можно будет вернуться в корсиканские чащи. В той самой деревне — старуха это знала — укрылся и Никола Раволати.

Весь день она одиноко сидела у окна и смотрела туда, помышляя о мести. Только как отомстить? Ведь у нее никого нет, а сама она совсем хворая, вот-вот умрет. Но ведь она обещала, поклялась над трупом. Она не может забыть, не может ждать. Что же делать? Она не спала по ночам, не знала ни отдыха, ни покоя, упрямо изыскивала способ мести. У ее ног дремала собака и подчас, подняв морду, принималась выть. С тех пор как не стало хозяина, она часто выла, слов-

но звала его, словно ее звериная безутешная душа тоже хранила неизгладимое воспоминание.

Однажды ночью, когда Веселая опять принялась выть, старухе внезапно пришла в голову мысль, мысль мстительной, свирепой дикарки. Старуха обдумывала свой план до самого утра; встав на заре, она отправилась в церковь. Она молилась, упав ниц на плиты, простираясь перед богом, заклинала его помочь ей, поддержать ее, дать бедному, изнуренному телу силы, чтобы отомстить за сына.

Она вернулась домой. Во дворе стоял старый бочонок с выбитым дном, в который стекала из желоба дождевая вода; старуха опрокинула его, подперла кольями и камнями; потом посадила Веселую на цепь у этой конуры и вошла в дом.

Она без устали ходила по комнате, не отрывая взгляда от сардинского берега. Там он, убийца!

Весь день, всю ночь собака выла. Утром старуха принесла ей только миску воды и ничего больше; ни каши, ни хлеба.

Прошел еще день. Веселая в изнеможении спала. На следующий день глаза у нее блестели, шерсть встала дыбом, собака отчаянно рвалась с цепи.

Старуха снова не дала ей ничего. Собака бесилась и хрюкала лаяла. Прошла еще одна ночь.

На рассвете старуха выпросила у соседа две охапки соломы. Она нашла старые отрепья, которые когда-то носил ее муж, и, набив их соломой, сделала чучело человека.

Воткнув шест в землю перед собачьей конурой, она привязала к нему чучело, и оно как будто стояло. Из свертка старого белья она сделала ему голову.

Собака с удивлением глядела на этого соломенного человека и молчала, хотя ее терзал голод.

Тогда старуха купила у мясника большой кусок кровяной колбасы и стала поджаривать колбасу. Веселая неистово прыгала, брызгала слюной, не отрывая взгляда от углей; запах жареного проникал ей в брюхо.

Из этой дымящейся колбасы старуха сделала для соломенного человека галстук. Она долго повязывала его вокруг чучела, словно хотела всунуть его внутрь. Кончив, она спустила собаку с цепи.

Невероятным прыжком Веселая бросилась на чучело, схватила его за горло и, упираясь лапами в плечи,

принялась раздирать на части. Она отскакивала с добычей в зубах, снова бросалась вперед, впивалась в бечевки, отрывала куски пищи, опять отскакивала и неистово кидалась снова. Она изгрызла все лицо, искромсала всю шею.

Старуха неподвижно, безмолвно глядела; ее глаза сверкали. Она снова посадила собаку на цепь, морила голодом еще два дня и повторила это странное упражнение.

Так целых три месяца она приучала собаку завоевывать себе пищу клыками, больше не привязывала ее, а только движением руки науськивала на чучело.

Она приучила Веселую рвать его, пожирать, даже когда у него на шее не было приманки. В награду старуха давала собаке поджаренную колбасу.

При виде чучела Веселая сейчас же вздрогивала, смотрела на хэзайку, а старуха поднимала палец и шипела: «Куси!»

Решив, что пора действовать, старуха Саверини в воскресенье утром исповедалась и причастилась с восторженным рвением, потом надела мужской костюм, стала похожа на старого оборванного нищего, договорилась с рыбаком-сардинцем, и он перевез ее вместе с собакой на другой берег.

В холщовом мешке у нее был большой кусок колбасы. Веселая уже два дня ничего не ела. Старуха минутно давала ейнюхать пахучую колбасу и доводила ее до исступления.

Они приплыли в Лонгосардо. Корсиканка шла прихрамывая. Она явилась к булочнику и спросила, где живет Никола Раволати. Убийца по-прежнему занимался столярным ремеслом. Он был в своей мастерской один.

Старуха толкнула дверь и окликнула его:

— Эй! Никола!

Он обернулся. Тогда, отпустив собаку, она крикнула:

— У-у! У-у! Куси! Куси!

Собака неистово бросилась вперед, вцепилась убийце в горло. Он взмахнул руками, обхватил ее, покатился на пол. Еще несколько секунд он извивался, бил

о землю ногами, наконец затих, а Веселая все грызла горло, разрывая его на части.

Два соседа, сидевшие у своих дверей, отлично помнили, что из мастерской вышел старик нищий с черной худой собакой, которая на ходу ела что-то коричневое — подачку хозяина.

Вечером старуха вернулась домой. В эту ночь она хорошо спала.